

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

К проблеме жанровой детерминации древнерусского памятника «Страсти Христовы»

Как это ни парадоксально, но интереснейший и популярнейший в старообрядческой среде памятник «Страсти Христовы» мало изучен, известно об этом литературном произведении немного. Вопрос о жанровой детерминации «Страстей Христовых» относится к разряду проблемных.

Древнерусский памятник «Страсти Христовы» в исследованиях ученых имеет различные номинации: «сборник»¹; «*апокрифическая повесть*», «*пассийная повесть*», «*пространная повесть*»²; «*апокрифическая книга*» или же просто «*книга*»³. В очерке Н. С. Лескова «С людьми древнего благочестия»⁴, когда автор упоминает о Львовском издании «Страстей Христовых» 1793г.⁵ и даже приводит выписки из этого издания, находим следующие жанровые определения: «*религиозная легенда*», «*повесть о Христовых страданиях*».

Но это все определения, которые не отражают жанровую природу «Страстей Христовых» и не претендуют на роль жанровой оценки памятника, поскольку работы, а также художественные произведения, упомянутые нами выше, не посвящены проблеме исследования жанра «Страстей Христовых».

Слово «*апокрифический*» в определениях отражает лишь то, что памятник, нас интересующий, относится к кругу апокрифической литературы, являясь апокрифическим произведением древнерусской литературы позднего периода. Апокрифы содержательно и идеологически сопоставима с каноном *литературная версия*

¹ Булгаков Ф. И. Сказания о страстях господних. С. 182.

² Савельева О. А. Апокрифическая повесть «Страсти Христовы»: некоторые вопросы структуры и поэтики. С. 76.

³ Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области). С. 115, 124.

⁴ Лесков Н. С. С людьми древнего благочестия // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. М: Терра, 1996. Т.3. С. 482–588.

⁵ Вознесенский А. В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX веков. Каталог. №22.

Священной истории⁶. Надо сказать, что в старообрядческой среде интерес к апокрифам и толкованиям Священного писания был очень высок, поскольку именно такие тексты содержали немало деталей, которые в канонических памятниках не должны были присутствовать.

Если посмотреть состав памятника (*Приложение 1*), разделенного, как правило, на 32 главы, становится понятным, почему «Страсти Христовы» были названы Ф.И. Булгаковым «сборником». В поздних изданиях и рукописях в состав «Страстей» вошли в виде отдельных глав также самостоятельно существовавшие произведения, в том числе апокрифические сказания «О пришествии к Тиберию Марфы, Марии, и Магдалины», «Послание Пилата к Тиверию» с ответом Тиверия, Сказание Иеронима об Иуде-предателе, а в виде частей уже существовавших глав — «Слово во святой Великий пяток Кирилла Туровского» и «Слово о сошествии во Ад Иоанна Предтечи Евсевия Александрийского»⁷.

Определение памятника «Страсти Христовы» как *сборника* не является жанровым определением, так как сборник не является одним из жанров древнерусской литературы, это форма бытования древнерусского литературного или комплекса таких произведений. Древнерусское литературное произведение существует в сборнике наряду с другими литературными произведениями, то есть сборник — это не одно цельное произведение, а все же собрание отдельных произведений. Следовательно, определяя «Страсти Христовы» как сборник, мы должны говорить не о жанре «Страстей Христовых», а о жанрах входящих в него отдельных произведений. Конечно, древнерусское литературное произведение может включать не один, а несколько сюжетов, связанных фабульно или тематически. Это явление объясняется одной существенной особенностью литературы Древней Руси — «принципом анфиладного построения» литературного произведения, как определяет его Д.С. Лихачев. Исследователь пишет о «распространенности в древнерусской литературе компиляций, сводов, соединения и нанизывания сюжетов — иногда чисто механического. Произведения часто механически соединялись друг с другом,

⁶ Рождественская М. В. Роль библейских апокрифов в литературе и книжности средневековой Руси [Электронный ресурс] // Тезисы докладов XVIII Научной сессии византинистов «Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада». 2008. <http://www.hist.msu.ru/Byzantine/session0810theseis.pdf>. (20 — 21 октября 2008 г.).

⁷ Вознесенский А. В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX веков. Каталог. С. 126.

как соединялись в одну анфиладу отдельные помещения»⁸. Но в случае с памятником «Страсти Христовы» неверно говорить о чисто механическом нанизывании отдельных произведений. Таким образом, «Страсти Христовы» мы не считаем сборником.

В определенном смысле «Страсти Христовы» являются «сборником», но «сборником» в следующем отношении: апокрифические произведения, существовавшие самостоятельно, были «собранны» в рамках *единого цельного произведения* с целью всеобъемлюще показать страдания Спасителя. Собственно, образ Иисуса Христа как главного героя «Страстей» объединяет все главы, о чем последует далее. В то же время мы подчеркнем, что Сборник «Страсти Христовы» не собрание механически соединенных разрозненных сказаний, а целостная структура, утверждающая определенную идею. «Страсти Христовы» представляют собой «не механическое соединение отдельных рапсодий, но художественное целое, имеющее некоторое художественное единство»⁹. И сюжетику, и композицию произведения подчинены именно задаче раскрытия целостного образа Христа. Не герой является производной сюжета, а наоборот, сюжет зависит от героя. Этот факт очень важен при определении жанра памятника «Страсти Христовы».

Необходимо также зафиксировать внимание на определении произведения «Страсти Христовы» как «*пассийной повести*»¹⁰, которое, несмотря на свою несостоятельность в качестве именно жанрового определения, все же представляется нам чрезвычайно любопытным. Слово «пассийный» указывает на самый предмет повествования: описание страданий, «страстей», которые завершаются распятием, крестной смертью Христа.

Надо отметить, что одна из проблем жанровой детерминации произведения «Страсти Христовы» кроется как раз в слове «страсти». Как указывает исследователь О.А. Савельева, в древнерусской литературе не было жанра, аналогичного *Passio Christi* в западноевропейских литературах, поэтому сам жанр Страстей является для русской культуры чужим, принятым извне¹¹.

⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 253.

⁹ Стороженко Н.И. Очерк истории западно-европейской литературы. Лекции, читанные в Московском Университете. Издание учеников и почитателей. М. Типография г.Лиснера и Д.Совко. 1908г. С.50.

¹⁰ Савельева О. А. Апокрифическая повесть «Страсти Христовы». С. 76.

¹¹ Савельева О. А. Русский апокрифический Христос: к постановке проблемы. С. 159–178.

Сказать о «Страстях Христовых», что мы имеем дело с пассивной повестью, еще не значит дать определение жанра; это лишь служит указанием на *материал*, положенный в основу произведения.

В приведенных ранее «жанровых» определениях рассматриваемый нами печатный памятник древнерусской литературы «Страсти Христовы» О.А. Савельевой вслед за Н. С. Лесковым определяется как «повесть», «повесть о Христовых страданиях»: апокрифическая, пассивная, пространная, но все же повесть. В древнерусской литературе это определение часто встречается в названиях литературных произведений, например: «Повесть об Акире Премудром», «Повесть о Варлааме и Иосафе», «Повесть о житии блаженного Михаила» и др. Но определение «повесть» здесь выступает как синоним повествования вообще; после слова «повесть» указывается сам предмет речи, объект повествования.

Повесть — это то, что повествуется, представляет законченное повествование. Этот «термин» остается неясным, неточным, поэтому его употребление весьма широко. Так, например, повестью часто назывались произведения житийные, новеллистические, агиографические или летописные (для сравнения: «Повесть о житии и отчасти чудес исповедание блаженного Михаила...», «Повести о мудрых женах» или известное «Се повести временных лет» и т. д.). Таким образом, повесть является той наиболее общей жанровой формой, в которой перекрещиваются почти все повествовательные (более узкие) жанры: житийные, апокрифические, хроникальные, воинско-эпические и т. п. Поскольку сам по себе термин «повесть» употребляется довольно широко по отношению к явлениям совершенно различных жанров, то мы в своей работе постараемся избежать его употребления.

Что же касается определения, которое было дано Н. С. Лесковым «Страстям Христовым», как «*религиозной легенды*», то здесь также необходим комментарий. Сам термин «легенда» в широком смысле — это недостоверное повествование о фактах реальной действительности, но нас интересует более узкое, собственно говоря, жанровое определение: легенда — это повествование о лицах и событиях религиозной истории у христиан — истории библейской и церковной. В средние века именно христианская легенда была главным и важнейшим литературным жанром. Жития, сказания, чудеса — это виды легенды, каждый из которых имеет свои особенности. Но «Страсти Христовы» по своей организации это не просто житие святого, тем более не чудо и не сказание; в этом произведении есть все эти виды: и чудеса, и жития (например, анти-житие Иуды) и мно-

жество сказаний. «Страсти Христовы» — своего рода «энциклопедия» жанров.

Проблема жанровой детерминации памятника «Страсти Христовы» очевидна и требует решения.

При определении жанра произведения необходимо учесть особенность двухуровневой сюжетной организации «Страстей Христовых»:

- уровень сюжетов отдельных глав памятника, на котором возможно рассмотреть отдельно взятую главу как относительно законченное произведение, имеющее к тому же и свою историю текста;
- второй уровень — это уровень собственно *сюжетки* как *системы отдельных сюжетов произведения*.

Подобный подход к «Страстям Христовым» учитывает не только сложный состав памятника, в который входят и самостоятельно существовавшие произведения, но также позволяет проследить именно взаимодействие «глав»-произведений в рамках единого целого.

Итак, суммируем все сказанное выше.

1. Проблема жанровой детерминации памятника древнерусской литературы «Страсти Христовы» очевидна.
2. Используемые ранее жанровые определения памятника «Страсти Христовы» признаны нами неадекватными объекту нашего рассмотрения.
3. «Страсти Христовы» являются *апокрифическим* произведением древнерусской литературы позднего периода, *пассийным* по объекту повествования (так как описывают Страдания Иисуса Христа).
4. Памятник «Страсти Христовы» не является «сборником» (как называл его Ф. И. Булгаков), так как он несомненно представляет собой *единое цельное жанровое повествование*. Определение жанра памятника «Страсти Христовы» — задача данной работы.
5. Произведение «Страсти Христовы» оказывается не собранием механически соединенных разрозненных сказаний, а целостной структурой, объединенной образом главного героя — Иисуса Христа и утверждающей определенный образ Христа.
6. *Герой не является производной сюжета, но сюжет зависит от героя*; это структура, развивающаяся в зависимости от концепции образа героя.

Таким образом, проблема жанра такого памятника древнерусской литературы как «Страсти Христовы» является совсем не праздным или формальным вопросом, так как правильное определение жанра «Страстей Христовых» поможет поставить его в ряд близких ему общественно-литературных фактов, сыгравших значительную роль в становлении русской литературы в целом.

Обратим внимание на композиционное устройство «Страстей Христовых»: это повествование, состоящее в печатных изданиях этого памятника из тридцати двух глав, включающее в себя произведения которые существовали самостоятельно, имея относительно законченный вид; это своего рода главы-новеллы.

К таким «главам-новеллам» мы отнесем:

- «Сказание о воскресении друга Христова Лазаря и о поставлении его архиереем в Китейском граде»¹² (вторая глава);
- «О мерзцей вечери Ирода царя и усекновении главы Предтечи и Крестителя Господа Иоанна, о шествии его во Ад» (пятая глава)¹³;
- «О пришествии из Иерусалима в Рим к Тиверию кесарю Марфы и Марии сестр Лазаревых, и Марии Магдалыни со многими дарамы. И о возвещении ему о распятии Господни»¹⁴ (двадцать девятая глава);
- «О послании Понтейскаго Пилата к Тиверию Кесарю, из Иерусалима епистолии в Рим, о распятии Господни»¹⁵ (тридцатая глава);
- «Послание Тиверия кесаря из Рима во Иерусалим к Пилату»¹⁶ (тридцать первая глава);

¹² Это сказание находим в Минеях Четых Дмитрия Ростовского под 17 октября.

¹³ Эта глава была составлена на основе «Слова Евсевия (в разных рукописях оно приписывается то Евсевию Александрийскому, то Евсевию Самосатскому) о сошествии Иоанна Предтечи в Ад» (нач.: «Возлюбленно, добро есть нам нарещи, какво благовещение Иоанна Предтечи...») (см.: Творогов О. В. Сказания о Иоанне Предтече (Крестителе) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987.). Изданный текст «Слова» см.: Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890.

С. 204–214. Источник текста о «мерзцей вечери Ирода» нам неизвестен; но все эти сюжеты отражены в канонических Евангелиях.

¹⁴ Источник текста «Сказания» нам неизвестен. Имеется лишь указание на то, что «Слово о путешествии в Рим Марии сестры Лазаря» наряду с некоторыми другими апокрифическими сказаниями составляло литературный конвой краткой редакции Евангелия от Никодима. (См.: Кобяк Н.А. Евангелие Никодима. С. 120–123).

¹⁵ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. С. 21–30, 191–197.

¹⁶ Кобяк Н.А. Евангелие Никодима. С. 120–123.

- «Сказание святого Иеронима о Иуде предатели Господни»¹⁷ (тридцать вторая глава).

Таким образом, мы видим, что в «Страстях Христовых» используется композиционный прием «обрамления», иначе «рама»¹⁸. В.Б. Шкловский называл обрамлением «большую, охватывающую новеллу, соединяющую набор сюжетов»¹⁹.

Рассмотрим более подробно, как реализуется принцип «рамочной» композиции в «Страстях Христовых». Произведение начинается с небольшого сочинения, имеющего заголовок «Собор и суда изречение от неверных иудей на Господа Нашего Иисуса Христа», в котором переданы речи иудейских первосвященников, решающих, каким образом им поступить со Христом: «Каіафа архіерей рече: Вы не вѣсте ничего; оубо да единъ ѹлкъ оубреть, а не весь народъ погибнетъ. Терасть рече: Оубо его изгнати, или къ кесарю послати. Иосафатъ рече: Поистиннѣ мерзко и позоръ вѣвшее в семъ градѣ мѣжа безвинна никто не застоупитъ. Птоломей рече: Яще виненъ, или невиненъ, но по что не авіе смертію, или изгнаніемъ наказжемъ. Никодимъ рече: Или есть заповедь не признавъ вины казнити». Эта картина суда потрясает читательское сознание: даже среди «пребеззаконных жидов» нет однозначного мнения относительно того, стоит ли казнить Иисуса. За этим сочинением следует собственно «Предисловие», которое при этом является еще и первой главой памятника, начинающееся следующими словами: «Во свѣтѣ великѣи пѣтокъ страстныѣ недели, сказаніе во волномъ страданіи и во таинѣи вечери господа нашегѣ Ісѣ Христа, какъ волею своею нашегѣ ради спсєніѣ страсть претерпѣ, и во вѣговѣтіи Іованна Предтечи во Ядѣ, и ѡшествіи Господа нашегѣ Ісѣ Христа во Ядѣ, и во радости праведныхъ, и во воскресеніи Господни, и во введеніи праведныхъ въ райѣ; далее начинается повествование іжнѣи всѣхъ пророкъ пророчествѣ свѣшас истиннѣ. Нынѣ всемѣ писанію исполненѣ соверши, и таинъ глѣбинъ с начала свѣта извѣстишас іжнѣ <...> Ико Господь нашъ Ісѣ Христосъ Снѣ Бжїи, волею своею ншегѣ ради спсєнѣ страсть претерпѣ, іжкѣ тлєсныма очима на земли Господню зрѣе вольнѣю

¹⁷ Климова М. Н. Сказание Иеронима о Иуде предателе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI вв.). Ч. 2.: Л – Я. Л.: Наука, 1989. С. 345 – 347.

¹⁸ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 247.

¹⁹ Шкловский В.Б. Несколько эмпирических замечаний о способах соединения новелл. С. 13.

страсть: а дшею в нбси возходше в вгышнѣи градъ Іеросалимъ». Здесь говорится о «вольной страсти» Христа. Смерть Христа — спасение всех грешников, причем не только ветхозаветных — описывается как праздник; это праздник Пасхи, который является вневременным. Функция всей предисловной части сводится к тому, чтобы ввести читателя в курс дела, это своего рода введение, знакомящее читателя с событиями, предшествующими тому, что будет изображаться в произведении, а также сообщающее, о чем пойдет речь, то есть, знакомящее с общим замыслом автора. Это подобно функции *пролога* в литературном произведении, призванном дать читателю сведения о событиях, предваряющих и мотивирующих основное действие.

Рассмотрим, чем заканчиваются «Страсти Христовы». В качестве тридцать второй главы, то есть заключительной, завершающей главы книги²⁰ в роман включалось «Сказание Иеронима о Иуде-предателе». Текст Сказания, приписываемый в древнерусской традиции блаженному Иерониму, известен помимо восточных славян на католическом Западе и у чехов и восходит к сорок пятой главе латинского агиографического свода «Золотая легенда» Якопо из Варацце (XIII в.). Сюжет Сказания восполняет пробелы в биографии одного из самых знаменитых и загадочных евангельских персонажей, а также несомненная занимательность памятника обусловили его популярность у русского читателя (известен в 85 списках-XVI–XIX вв.)²¹. Появление «Сказания» в Страстях Христовых вполне объяснимо, так как оно содержит великое количество фактов из биографии одного из главных персонажей книги — Иуды, дополняющих неполные сведения о нем Священного Писания. Внимание к Сказанию Иеронима о Иуде-предателе можно объяснить не только естественным интересом к необычной и драматической человеческой судьбе; немаловажной оказывалась сама поставленная в Сказании проблема греха, раскаяния и милосердия, актуальность которого для русского менталитета возрастала в переломные для страны и народа периоды²². Сказание Иеронима о Иуде-предателе это своего рода «биография», но биография апокрифическая, это *антижизние* величайшего евангельского злодея, «Житие великого грешника». Отцеубийство и брак с матерью — те злодеяния, которые приписаны Иуде Искариоту в Сказании и которые служат знаком последу-

²⁰ Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века: Введение в изучение. С. 128.

²¹ Климова М.Н. Сказание Иеронима о Иуде предателе. С. 345–347.

²² Климова М. Н. Из истории «Эдипова сюжета» в русской литературе (повести о кровосмесителе) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 52.

ющего «абсолютного преступления» — предательства Иисуса Христа, изначально отмечающие его гибельный жизненный путь.

Нравственное противоречие Иисуса и Иуды — учителя и ученика-предателя разрешается в романе в два этапа и на двух различных уровнях художественной структуры произведения. Сначала развязка сюжета Христа и Иуды происходит на фабульно-событийном уровне, в рамках романного сюжета произведения: «Шедъ продаде Господа Іса іудеѡмъ, на три десѣтихъ сребреницѣхъ» — предательство, ведущее к смерти Иисуса Христа. Кажется, что главный герой, «Царь Славы, Господь Наш, Иисус Христос, Сын Божий», Спаситель и Страстотерпец, терпит поражение. Но дальше в тексте Сказания читаем: «Сирѣчь за тридесѣть сребреникъ, Іса продаде, ихъ же по семь раскавсѣ, жидѡмъ пакѣ вспѣть возврати, и повергши сребреники въ цркви, шедъ и на дрѣвѣ ѡбѣсившисѣ ооудависѣ, и просѣдѣ посредѣ, и излісѣ всѣ ооутрѡва егѡ. Подѡваше во ѡреслѡм егѡ раздратисѣ и ооутрѡбѣ всеі излітисѣ, в неі же зачатѣ, и родисѣ слова и предательство на Господа нашего Іса Христа: и ооужемъ срамотнѣмъ завзатисѣ гортани егѡ, с Іюдѡ же изыде сложеніе цнѣы безцнѣнагѡ Господа, и слово лѡжако. Дѡврѣ сеі на воздѡжѣ погипе, иже аггѡвѣть и чѡловѣкѡвѣть ѡскорби, с прѣдѣль аггѡльскихъ и чѡловѣческихъ изгнанѡ, ни гдѣ индѣ, токѡмѡ на воздѡжѣ съ дѡмонѣ семѡ водворѣтисѣ, и погивнѣти належашѣ».

Однако противоречие Иисуса и Иуды лишь одной своей стороной уходит в событийный мир. Другой стороной оно касается мира нравственных законов, философии жизни человека. Что такое предательство? Почему человек предает? Как преодолевать предательство? Подобные вопросы требуют не только конкретно-событийного, но и концептуального решения. И окончательное разрешение нравственного противоречия учителя и ученика происходит уже не на уровне событий, а совсем в другой плоскости художественной системы не только рассматриваемого Сказания, но и всего романа «Страсти Христовы» — на уровне ее *назидательной идеи*.

Заключается все повествование словами: «...Настѣ же чѣтѣцихъ и слышацихъ сіе беззаконное егѡ житіе и дѣніе, сѣ таковагѡ злагѡ нрава сохрани всѣхъ Христѣ Бжѣ нашѣ, и спѡдѡви невѣснѡмѡ царствію твоѡмѡ, славимѣи со Оцѣмъ и со Сѣтѣмъ Дѡмѡмъ во вѣки, аминь».

В последней, тридцать второй главе «Страстей Христовых», мы находим информацию о дальнейшей судьбе Иуды после того, как Иисус Христос был предан в руки иудейских первосвященников. И последняя фраза служит обращением ко Христу с просьбой о снис-

хождении. Сказание Иеронима в составе «Страстей Христовых», помещенное в качестве последней главы памятника, выполняет функцию *эпилога*, заключая все повествование назиданием.

Таким образом, в «Страстях Христовых» мы находим компоненты, выполняющие функции *пролога* и *эпилога* к повествованию о Страстях Господних, а также и о других событиях. Пролог и эпилог представляют собой реализацию названного выше приема «рама», то есть служат обрамлением ко всему тексту.

Главы-новеллы при этом являются вставными; это самостоятельные по сюжету рассказы, включенные в большую структуру; при этом композиция основного произведения организована линейно. Вставные новеллы в «Страстях Христовых» прикреплены непосредственно к рамке, обрамляющей повести — к повествованию о Страстях Христовых.

Учитывая эту особенность композиционной организации памятника «Страсти Христовы», мы считаем возможным применить к этому произведению термин «*протороман*».

Безусловно, спор о происхождении романа долог, и существует множество различных точек зрения. Но для подтверждения целесообразности использования термина «протороман» приведем еще одно замечание В.Б. Шкловского о «Золотом осле» Апулея (греческого романа). В.Б. Шкловский напоминает, что Апулей начинает свою книгу словами: «*Вот я сплету тебе на милетский манер разные басни*». Далее В.Б. Шкловский говорит, что «тут ясно, что басни уже существуют, если они сплетаются»²³. То же самое мы наблюдаем в памятнике, или, как мы уже сказали, *проторомане*, «Страсти Христовы»: отдельные элементы текста, отдельные апокрифические сюжеты и сказания существовали и до их вхождения в состав «романа», но именно в нем они «сплетаются», сознательно обрабатываются литературно.

Характерной жанровой особенностью ранних форм европейского романа, независимо от их видов, тем, идейной направленности, была *линейная композиция*, при которой *эпизоды-новеллы* следовали один за другим, нанизываясь на один *общий скрепляющий стержень*, перерастая, таким образом, в цепочку, ряд, *объединенный* лишь личностью *центрального героя*²⁴.

Все это имеется и в «Страстях Христовых».

²³ Шкловский В.Б. Несколько эмпирических замечаний о способах соединения новелл. С. 15.

²⁴ Шкловский В. Б. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля// Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 26–62.